

Трощанский Василий Филиппович

**I. Якуты в их домашней
обстановке II. Из якутской
старины: Этнографический
очерк. Старые писатели о
якутах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Филиппович Т.**
I. Якуты в их домашней обстановке II. Из якутской старины: Этнографический очерк. Старые писатели о якутах / Трощанский Василий Филиппович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-519-77489-5

ISBN 978-5-519-77489-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

я играю—строгаю траву и дерево! Дай топоръ, которымъ я играю —перерубаю траву и дерево!“¹⁾ Во-первыхъ, мы видимъ, что запасасть сѣно и дрова лежало на обязанности женщинъ, а потому топоръ не могъ быть такимъ тяжелымъ, каковымъ мы его видимъ теперь; во-вторыхъ, онъ не могъ быть такимъ и потому, что его съ одинаковымъ удобствомъ употребляютъ для „перерубки“ травы и дерева; наконецъ, онъ употребляется наравнѣ съ ножомъ, а потому, въ качествѣ орудія, не можетъ значительно отлаться своею приспособленностью къ обработкѣ, а главное—къ рубкѣ болѣе или менѣе толстыхъ бревенъ. Но имѣются еще основанія въ пользу того, что балаганъ —не якутскаго происхожденія.

Еще и теперь можно встрѣтить кое у кого изъ богачей копыцескую юрту изъ бересты, которая имѣетъ специальное якутское названіе—ура са²⁾. Ея постройка очень характерна для якутской техники, а потому я и скажу нѣсколько словъ объ ней.

Ураса, которую я специально осматривалъ, имѣетъ около $3\frac{1}{2}$ саж. вышины и, по формѣ, напоминаетъ сахарную голову, такъ какъ линія продольнаго сѣченія урасы—кривая. Окно нѣтъ, но она освѣщается свѣтомъ, падающимъ сверху черезъ дымовое отверстіе, которое очень велико; въ ней имѣется дверь, въ старину лѣтомъ завѣшивавшаяся берестой, а зимой шкурами. Я буду описывать урасу въ томъ порядкѣ, какъ она строится. Нужно замѣтить, что урасу можно строить изъ самаго мелкаго лѣса. Прежде всего, вкапываютъ вертикально столбы,—въ осмотрѣнной мною юртѣ ихъ было 12,—вышиною въ сажень на разстояніи отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 арш. другъ отъ друга; внизу между каждаими двумя столбами врублены горизонтально два бревна, лежащія другъ на другѣ. Въ верхніе концы столбовъ врублены дугообразныя плахи, такъ что получается деревянный кругъ (орто курдү), поддерживаемый столбами. Отступя наружу аршина $1\frac{1}{2}$ отъ столбовъ, вкапываютъ наклонно длинныя, гладко выстроганныя жерди такъ, что онѣ лежатъ на вышеупомянутомъ деревянномъ кругѣ; жерди вкапываются на разстояніи вершковъ 4-хъ другъ отъ друга. Затѣмъ, изъ двухъ или трехъ выгнутыхъ и связанныхъ между собою жердей дѣ-

¹⁾ Худяковъ, И. А. Верхоянскій Сборникъ. Ирк. 1890, стр. 93.

Э. II.

²⁾ Ср. бурятское *urus* (палаточное или шатерное древо), которое Castrén (Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. St. Petersburg, s. 102b) сравниваетъ, впрочемъ, съ якутскимъ ура са—шесть, жердь.

Э. II.

лаютъ кольцо, равное по величинѣ кругу примѣрно средняго сѣченія предполагающагося конуса, и насаживаютъ его на пропущенныя впу­тръ жерди, нажимая ихъ на деревянный кругъ; одна треть жердей—такой длины, что концы ихъ связываются между собою въ верхушкѣ конуса, тогда какъ остальные не доходятъ до вершины аршина $1\frac{1}{2}$ или 2 и ихъ концы при­вязываются въ другому, гораздо меньшему кругу изъ круче­ныхъ талинъ. На этотъ осто­въ изъ жердей надѣвается плотно пригнанный берестяной покровъ, спитый конскими волосами изъ небольшихъ кусковъ бересты; затѣмъ, этотъ покровъ еще об­ла­дывается кусками бересты, но уже не спитыми, а сверхъ всего этого лежатъ также вкопанныя нижними концами жерди, которыя опять пригнетаются посрединѣ кольцомъ; съ верхними концами жердей поступаютъ какъ и въ предыдущемъ случаѣ. Въ срединѣ урасы устраи­вается холумтан или состоуе (русс. шестокъ)—деревянный ящикъ вышиною въ 4—5 верш­ковъ, плотно набиваемый глиной и служащій очагомъ. По обѣ стороны очага вкопано по столбу въ $2\frac{1}{2}$ арш. вышиною; столбы (ачахъ или кѳлѳ) соединены между собою пере­кладиною, имѣющею сквозной продольный прорѣзъ, въ которомъ движутся деревянные крючки (кѳхѳ) для навѣшиванія котловъ¹⁾. Отъ нижнихъ бревенъ, соединяющихъ основныя столбы, идутъ къ берестяному покрову неподвижныя лавки, орон'ы, вокругъ всей урасы, оставляя свободнымъ только пространство противъ дверей.

Въ нашемъ²⁾ насле­гѣ имѣется только три урасы, и въ нихъ живутъ лѣтомъ; въ настоящее время ихъ почти не строятъ³⁾, такъ какъ онѣ очень дорого стоятъ, а для лѣтняго помѣщенія устраи­ваются такіе же балаганы, какъ и для зимняго, но только изъ болѣе мелкаго лѣса. Если бы якуты умѣли строить свои балаганы до прихода русскихъ, то имъ, значить, извѣстно было бы и слово балаганъ, а потому нужно было бы признать, что они принесли съ собою изъ своей прежней ро­лины какъ самое слово, такъ и умѣнье строить балаганы, но, въ такомъ

1) У г. Сѣрошевскаго („Якуты“, стр. 350) ошибочно пере­кладины названы ачахъ; затѣмъ, у него же, а также у Маака (Вил. окр., III, стр. 46) деревянные крючки ошибочно названы кѳлѳ вм. кѳхѳ. Э. II.

2) Авторъ жилъ въ 3-емъ Жехсогонскомъ насле­гѣ Ботурускаго улуса Э. II.

3) Въ упомянутомъ насле­гѣ богатый родовичъ Н. П. Слѣпцовъ, бывшій голова улуса, выстроилъ на своей усадьбѣ урасу съ цѣлью сохра­нить для потомства этотъ родъ стариннаго якутскаго жилища, призна­ваемаго Сѣрошевскимъ (Якуты I, 347) „за самую древнюю форму якутскихъ жилищъ“. Э. II.

случаѣ, такіа же постройки должны были бы быть и у ихъ родичей—бурятъ, изъ настоящаго мѣстожителства которыхъ якуты и пришли сюда, но тамъ ихъ нѣтъ. Съ другой же стороны, если имъ были извѣстны балаганы, то, въ такомъ случаѣ, чтѣ могло побудить ихъ строить урасы, которыя хуже защищаютъ отъ стужи и непогоды и требуютъ больше труда и трудно добываемаго матеріала? Можно подумать, что онѣ строились только для лѣтнихъ помѣщеній, но и это невѣрно, такъ какъ у якутовъ сохранилось названіе буор ураса, указывающее, что эти сооруженія обкладывались дерномъ или обмазывались глиной, а это могло дѣлаться только съ помѣщеніями, предназначавшимися для зимы¹⁾. Предположить же, что якуты сами додумались до постройки балагана на своей новой родинѣ, также невозможно, потому что тогда они удержали бы круговую форму, замѣнивъ только бересту и жерди сплошными стѣнами изъ бревенъ и построивъ потолокъ. Круговую форму они должны были бы сохранить какъ потому, что она была имъ болѣе привычна, такъ и потому, что въ первое время имъ легче было бы строить круговые балаганы, чѣмъ четырехугольные. Кромѣ того, я не могу допустить, чтобы народъ, сумѣвшій самостоятельно дойти до постройки балагана, связывая остоу его разнообразными зарубками, сохранилъ до прихода русскихъ свой столъ, который состоялъ только изъ столешницы, сшитой изъ бересты и приерѣпленной къ четыремъ палкамъ, связаннымъ между собою по угламъ;—сохранилъ бы до настоящаго времени свои нарты (сани) въ первобытномъ ихъ видѣ, скрѣпляя между собою различныя части ремнями,—даже копылья привязаны или, вѣрнѣе сказать, пришиты узкими ремнями къ полосьямъ. Я полагаю, что сшитыя нарты болѣе соответствуютъ сшитой урасѣ и сшитой же берестяной посудѣ, а если прибавить еще, что даже выгребныя лопаты спиваются изъ мелкихъ досточекъ, которыя приерѣпляются ремешками къ рукояткѣ,—что лодки и деревянныя части сѣделъ также спиваются,

¹⁾ Въ Колымскомъ округѣ и до сихъ поръ якуты живутъ „въ коническихъ, обсыпанныхъ землею чумахъ“. Записки Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., т. II, вып. I. Ирк. 1892: Очерки крайняго сѣверо-востока. *И. Шклевскаго*, стр. 37.

Прим. автора.

По сообщенію В. И. Лохельсона, эти коническія обложенныя дерномъ (но не обсыпанныя землею) юрты встрѣчаются у якутовъ глубокаго сѣвера какъ въ Колымскомъ, такъ и въ Верхоянскомъ округѣ (въ послѣднемъ округѣ чаще). Въ нихъ живутъ только лѣтомъ во время промысла рыбы. В. И. Лохельсонъ разсматриваетъ этотъ типъ лѣтняго жилья якутскихъ рыболововъ заимствованнымъ отъ осѣвшихъ тунгусовъ. Объякутѣвшіе (по языку и образу жизни) тунгусы устья Лены лѣтомъ живутъ въ такихъ урасахъ. Э. П.

то для насъ станетъ вполне ясно, что принципъ постройки балагана совершенно иной и не имѣетъ ничего общаго со шиваніемъ, которое у якутовъ было единственной технической основой¹⁾.

Но, какъ бы то ни было, передъ нами стояло человѣческое жилье-юрта, а отверстіе, заткнутое льдиной, дѣйствительно, оказалось окномъ, обращеннымъ къ югу, тогда какъ съ восточной стороны обнаружилась дверь, обшитая коровьей шкурой.

Былъ мартъ мѣсяцъ. Въ воздухѣ тепло, но земля покрыта еще толстымъ слоемъ снѣга. Лена скована непроницаемой броней, и, какъ ни старается солнце разжечься,—ничего не выходитъ.

Только на этой коричневой глыбѣ и подлѣ нея пѣтъ снѣга, только надъ ней струится воздухъ отъ легкой испарины, далеко разнося ароматъ якутской весны,—ароматъ, отъ котораго тошнить; въ немъ преобладаетъ ѣдкій запахъ амміака съ запахомъ горѣлаго навоза, потому что, въ это время года, обсохшая на поверхности юрта тамъ и сямъ загорается отъ падающихъ изъ трубы искръ, и якутки съ ребятишками постоянно засыпаютъ снѣгомъ или заливаютъ водою загорѣвшіеся мѣста. Горитъ коровій навозъ, которымъ облѣплена юрта поверхъ глиняной обмазки.

Обыкновенно каждую осень, когда пачинаетъ и днемъ подмораживать, якутскія женщины набрасываютъ на стѣны юрты лопатами свѣжій коровій навозъ безъ всякой подмѣси, а затѣмъ разглаживаютъ его, и эта работа производится ежедневно недѣли двѣ, по мѣрѣ накопленія смазочнаго матеріала,—вотъ почему весной эта глыба, постепенно оттаивая, благоухаетъ. Къ тому же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилья вы можете увидѣть цѣлыя горы коровьяго навоза, накопившагося за зиму, а иногда и за много зимъ, потому что не всегда его лѣтомъ сжигаютъ; онъ также таетъ въ эту пору и также возвѣщаетъ своимъ благоуханіемъ о наступленіи весны,—якутской весны съ глубокимъ снѣгомъ и отвратительнымъ смрадомъ. Судя по величинѣ этихъ горъ, вы можете составить себѣ понятіе о сте-

¹⁾ По мнѣнію *Миддендорфа* (Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, ч. II, отд. IV. Спб. 1878, стр. 780), якутскій народъ „перенялъ у тунгусовъ ихъ зимнее жилье, *үтѣп*, но не передѣлалъ его, а удовольствовался только расширеніемъ его“; *үтѣп*—охотничій шалашъ, устроенный изъ конусообразно-поставленныхъ жердей, съ отверстіемъ вверху, и обмазанный глиною или обложенный дерномъ. „Основное различіе тунгусско-якутскаго срубленнаго дома отъ русскаго заключается въ отвѣсномъ (вмѣсто горизонтальнаго) положеніи бревенъ“ (*ibidem*). Ср. *Строгоскій*, „Якуты“, стр. 362—3. Э. II.

пени благосостоянія хозяина; это—едва ли не единственное вѣрное мѣрило, такъ какъ жизненная обстановка якутовъ ничего вамъ не скажетъ: сплошь и рядомъ состоятельные якуты живутъ въ такой же обстановкѣ, какъ и бѣдные, и зачастую не признаешь даже богача по его домашней обстановкѣ и обычной одеждѣ, особенно богача, нетронутого цивилизаціей, т.-е. неграмотнаго и не ѣздящаго въ г. Якутскъ.

Но такъ какъ мы въ скотоводческой странѣ, то весьма естественно, что картина весны приобретаетъ окончательно пасторальный характеръ отъ присутствія на ея фонѣ коровъ и телятъ, еще болѣе оттѣняющихъ характеръ этого края. Да, глядя на этотъ жалкій, мелкій, истощенный скотъ, съ уродливыми рогами и копытами, съ плотно присохшимъ на бокахъ и на заднихъ ногахъ толстымъ слоемъ навоза, который отвалится только къ серединѣ лѣта вмѣстѣ съ шерстью, съ такимъ же образомъ облѣпленнымъ хвостомъ, со взбитой, грязной шерстью. мѣстами вытертой, съ отвратительнымъ запахомъ, распространяющимся воокупъ этихъ скрючившихся коровъ и телятъ,—вы уже предчувствуете, что васъ ожидаетъ въ юртѣ.

Вотъ, прежде всего, чѣмъ поражаетъ васъ жизнь якутовъ,—поражаетъ ваше зрѣніе, обоняніе и дыханіе. Но не поддавайтесь этимъ впечатлѣніямъ, а главное—не дѣлайте никакихъ обобщеній и сближеній подъ вліяніемъ благоуханія якутской весны, а то рискуете очутиться въ положеніи челоуѣка, открывающаго несуществующую Америку. Въ такое положеніе попадаютъ многіе русскіе, незнающіе якутскаго языка, но имѣющіе слабость къ стремленію пролить свѣтъ истины на основаніи данныхъ того же языка. Каждый изъ нихъ обязательно откроетъ, что саха, которымъ называютъ себя якуты, имѣетъ общій корень со словомъ сах, коровій навозъ, а затѣмъ дѣлаются болѣе или менѣе неожиданныя сближенія и заключенія. Но постарайтесь запомнить, что между этими двумя словами—какъ увѣряютъ прекрасно знающіе языкъ и практически, и теоретически—не существуетъ никакого лингвистическаго родства. Когда уже были написаны эти строки, мнѣ пришлось прочесть въ высшей степени забавное открытіе въ этомъ родѣ, превзошедшее своею бойкостью всѣ извѣстныя мнѣ анекдотическія открытія. В. Л. Прилонскій напечаталъ въ Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества за 1887 годъ¹⁾, что якуты

¹⁾ Томъ XVIII. Ирк. 1888. См. также въ „Живой Старинѣ“ 1890, вып. II: Три года въ Якутской области (Этнографическіе очерки), гл. II, стр. 32.

„носятъ названіе саха—навозъ“ (стр. 13). Чего можетъ быть проще и вразумительнѣе: якуты такъ-таки прямо и называютъ себя навозомъ! А между тѣмъ, какъ я уже говорилъ выше, для народа и навоза существуютъ два разныхъ слова; но почтенный авторъ „Матеріаловъ по этнографіи якутовъ“ не подозревалъ этого, а разъ онъ этого не подозревалъ, то, разумѣется, никакія сомнѣнія не колебали его рѣшимости обогатить этнографію и инныя науки, и онъ обогащаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Навозомъ обмазывали и обмазываютъ юрту; изъ навоза дѣлали и дѣлаютъ посуду (?); за отсутствіемъ глины хозяйство якута безъ навоза немыслимо“. Начать съ того, что обмазка якутами своего жилья началась, по всѣмъ вѣроятіямъ, недавно, такъ какъ въ сказкахъ нигдѣ не встрѣчается указаній на то, чтобы юрты обмазывались навозомъ, а всегда онѣ обледаются землей; затѣмъ тунгусы называютъ якутовъ „земляными“ (буор сахалар¹⁾), а не навозными. Далѣе, неизвѣстно, о какой посудѣ говорятъ авторъ? Разъ глины совсѣмъ нѣтъ, то, значитъ, и горшки дѣлаютъ изъ „навоза“—что можетъ быть любопытнѣе для этнографа? Но фактъ тотъ, что „изъ навоза“ якуты не дѣлаютъ никакой „посуды“²⁾. Я живу 8-й годъ среди якутовъ, и мнѣ пришлось только одинъ разъ видѣть нѣчто въ родѣ большой ванны, сдѣланной изъ коровьяго „навоза“; въ ней якуты обмолачиваютъ зимою хлѣбъ, а потому происхожденіе этой навозной посуды позднѣйшее, такъ какъ якуты стали сѣять хлѣбъ очень недавно. Что же касается до того, будто Якутская область представляетъ изъ себя песчаную Аравію, то я ужъ и не знаю, какъ назвать это открытіе. Глины въ Якутской области даже болѣе, чѣмъ нужно, и только на берегахъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣкъ имѣются пески. Я живу въ 200 верстахъ отъ г. Якутска у небольшой рѣчки³⁾ и, чтобы имѣть песокъ, которымъ обмазывается деревянная лопатка, употребляемая для правки косы, я вынужденъ возить его для себя—а всего то мнѣ нужно фунтовъ 7—8—

¹⁾ Худ., стр. 68.

Э. П.

²⁾ Говоря, что якуты дѣлаютъ изъ навоза посуду, покойный Приклонскій имѣлъ въ виду, по всей вѣроятности, ту большую чашку изъ навоза, которую онъ описываетъ такъ: „Съ наступленіемъ морозовъ насыпаютъ кучу снѣга въ видѣ полушарія, облагаютъ его свѣжимъ коровьимъ пометомъ и, когда онъ замерзнетъ, то, повернувъ, получаютъ большую чашу, которую обливаютъ водой, наводятъ глазурь (подобно ступкѣ), и въ эту-то чашку сливаютъ жидкій таръ изъ ушатовъ“ (Жив. Ст., ор. с., стр. 43). Таръ—прокисшее за лѣто молоко.

Э. П.

³⁾ Татты, лѣваго притока Алдана.

Э. П.

изъ-за 35 верстъ, да и тамъ онъ имѣется на небольшомъ клочкѣ земли, а въ большомъ количествѣ можно его достать только въ 20-ти верстахъ на р. Амгѣ. Но вернемся къ прерванному разсказу.

Итакъ, я вижу передъ собою усѣченную четырехугольную пирамиду коричневаго цвѣта, вышиною аршина въ 4, съ закругленными углами и съ расплывающимся основаніемъ, съ едва выпуклой земляной крышей, обложенной по краю невысокими бортами изъ навоза, съ наискось торчащей трубой изъ жердей, скрѣпленныхъ тальниковымъ кольцомъ и вымазанныхъ съ внутренней стороны глиной.

Я обратилъ ваше вниманіе на то, что двери юрты выходили на востокъ, и это не случайность, такъ какъ даже и въ настоящее время у громаднаго большинства юртъ двери всегда выходятъ на востокъ, а въ старину это было общимъ правиломъ. Герой одной сказки, построивъ себѣ юрту, говоритъ: „Весеннее мое солнце, кажись, съ этой стороны всходить“ и выбралъ въ одномъ мѣстѣ часть стѣны, чтобы тутъ была входная-выходная дверь“¹⁾. Чѣмъ это объясняется? Естественно, если якуты предпочитаютъ устраивать на южной сторонѣ окна, чтобы, какъ говорится въ вариантѣ той же сказки, „мое девятилучистое полное (т.-е. во время полудня) солнце, поворачиваясь на югъ, закинуло свои лучи въ домъ“²⁾; точно такъ же понятно, почему они загораживаютъ свою юрту съ сѣверной стороны хотономъ (коровникъ). Но затѣмъ для нихъ должно быть безразлично—устроить ли двери на востокъ или на западъ. Почему же они предпочитаютъ востокъ? Нужно думать, что въ старину якуты считали необходимымъ, чтобы первое, что имъ представится при выходѣ поутру изъ юрты, было животворящее солнце. То обстоятельство, что якуты считали для себя обязательнымъ обращаться въ извѣстныхъ случаяхъ лицомъ къ востоку, находить подтвержденіе и въ томъ фактѣ, что они и о своемъ скотѣ думаютъ то же самое, т.-е. они думаютъ, что ихъ скотъ предпочитаетъ стоять, обращая свои взоры къ востоку, потому что переднюю часть скотины они называютъ восточной, и если вы желаете купить переднюю часть туши, то должны назвать ее восточпой³⁾. По-якутски однимъ словомъ

¹⁾ Н. Горюховъ Юрюнгъ Уоланъ. Якутская сказка. Ч. 1-я (Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. т. XV, № 5—6, 1884 г. Иркут. 1885, стр. 44). Э. П.

²⁾ Худ., стр. 132. Э. П.

³⁾ Въ якутскомъ языкѣ *ilín* значитъ: передъ и востокъ, передній и восточный. Э. П.

(ар̄ба) означается спина, тыль и западъ, сѣверъ называется лѣвой стороной (ха̄на̄с), а югъ правой (ӯна̄). „По китайскимъ лѣтописямъ,—говоритъ Д. Банзаровъ въ „Черной вѣрѣ“,— ханы хунскіе задолго до христіанской эры имѣли обычай выходить ежедневно утромъ для поклоненія солнцу“ (13—14); съ другой стороны, персы—солнцопоклонники, а якуты вышли изъ долины Заревшана въ сѣверную Монголію, а оттуда въ Сибирь ¹⁾).

Если же взять во вниманіе еще и то обстоятельство, что на одеждѣ шамана, въ которой онъ камлаетъ, имѣется изображеніе продыравленнаго въ центрѣ солнца (к̄ун), т.-е. обезсиленнаго, то мы должны будемъ признать, что въ старину солнце занимало важное мѣсто въ вѣрованіяхъ якутовъ, но что оно (мѣсто) утрачено, и утрачено, повидимому, очень давно, такъ какъ теперь якуты, на мои вопросы по этому поводу, высказали только въ видѣ предположенія, что нѣкогда солнце было, вѣроятно, богомъ у якутовъ.

Я не рѣшаюсь утверждать, что и металлическій кругъ (туосах̄та), который нашивають якутки спереди на свои зимнія шапки, имѣетъ аналогическое значеніе съ кругомъ шаманскаго костюма, но я все-таки считаю возможнымъ упомянуть объ этомъ, потому что круговая форма украшенія встрѣчается только на шапкѣ ²⁾), а, слѣдовательно, она не можетъ быть случайной, тѣмъ болѣе, что гораздо труднѣе сдѣлать металлическій кругъ незамысловатыми инструментами якутскаго кузнеца, чѣмъ четырехугольникъ или какую-нибудь неправильную фигуру, какъ и дѣлають въ другихъ случаяхъ. Знаменательно то обстоятельство, что женщины, принося жертву богинѣ родовъ [а̄ј̄ы̄сы̄т], надѣвають свои шапки задомъ напередъ,—не устраняють ли онѣ, такимъ образомъ, изображеніе солнца, которое считается мужчиной, отъ присутствія при жертвоприношеніи, такъ какъ въ это время всѣ мужчины изгоняются изъ юрты? Интересно и то, что невѣста приѣзжаетъ въ домъ жениха до восхода солнца и, вѣроятно, съ тою цѣлю, чтобы, въ качествѣ новаго члена семьи, съ перваго же дня встрѣтить солнце. Но имѣются еще и другія косвенныя доказательства. К̄ун то̄јон—собственное имя, Господинъ Солнце; слово к̄ун, солнце, употребляется также для выраженія почтенія; солнце въ полномъ блескѣ называется „лас-

¹⁾ Соображенія автора о прародинѣ якутовъ см. въ его изслѣдованіи: „Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ“, стр. 12—17. Э. П.

²⁾ Также и въ серебряномъ грудномъ украшеніи, свѣшивающемся ниже пояса и называемомъ ilin k̄ibic̄ar. Э. П.

ковымъ солнцемъ“ (аламаі кун). Кун һан буолла! померло солнце, прости солнце!—восклицаніе, съ которымъ умирающій якутъ разстается съ жизнью. Солнце имѣетъ еще эпитеты: почтѣннѣйшій чародѣй и слѣдшая особа. Кун уота—солнечные лучи, т.-е. солнечный огонь, а огонь у якутовъ—божество и, въ то же время, сынъ солнца¹⁾.

Но войдемъ же, наконецъ, въ юрту, хотя, по правдѣ сказать, торопиться нечего, такъ какъ едва только вы успѣете сунуть носъ въ это логовище, какъ васъшибанетъ такой ароматъ, котораго вы нигдѣ не встрѣтите. Я не въ силахъ опредѣлить ароматъ якутской юрты. Если вы спросите якута, каковъ, на примѣръ, вкусъ водки или уксуса, онъ отвѣтитъ, что то и другое не такъ ѣдки, какъ желчь, но болѣе ѣдки, чѣмъ соль,—такъ они опредѣляютъ всѣ вкусовые ощущенія веществъ не-сладкихъ. Къ тому же способу опредѣленія и я вынужденъ прибѣгнуть, чтобы дать хотя приблизительное понятіе объ атмосферѣ юрты. Она менѣе ужасна, чѣмъ смрадъ отъ падали, но невыносимѣе атмосферы казарменныхъ отхожихъ мѣстъ глухихъ провинцій,—въ юртѣ и этотъ запахъ имѣется въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ, такъ какъ дѣти до трехъ-четырехлѣтняго возраста совершаютъ всѣ свои отправления на полу и гдѣ придется въ теченіе всей зимы, а полъ—земляной и никогда не исправляется, какъ это дѣлается съ земляными полами на югѣ Россіи. Къ этому запаху примѣшивается въ большомъ количествѣ ѣдкой амміачный запахъ хотон'а, который часто бываетъ даже совсѣмъ не отгороженъ отъ жилой юрты, и оба помѣщенія имѣютъ общую входную дверь, такъ что либо скотъ проходитъ въ хотонъ черезъ край юрты, либо люди проходятъ въ юрту черезъ край хотон'а. При входѣ въ юрту, у васъ сейчасъ же завертитъ буравомъ въ носу, потомъ крутнетъ во лбу и запершитъ въ горлѣ, а затѣмъ станетъ тошнить, но вы мужайтесь, ибо, въ концѣ концовъ, придется свыкнуться съ подобнымъ запахомъ.

Входя въ юрту, будьте осторожны, такъ какъ, кромѣ нечистотъ, на которыя вы легко можете наступить, на полу масса выбоинъ, и вы можете свалиться и испачкать не только

¹⁾ Во время весенняго праздника устраивается ысыах [кумысная попойка] съ жертвоприношеніемъ, и въ одной сказкѣ говорится: „Бѣлый Юоша развѣлъ убитаго дьявола по землѣ па ысыах солнцу и мѣсяцу“ (Худ., 161). Итакъ, солнцу приносятъ жертвы, какъ божеству, и приносили не только во время весенняго праздника, но и въ другихъ случаяхъ.

обувь. Предположимъ, вы благополучно укрѣпились въ какомъ-нибудь пунктѣ юрты и начинаете осматриваться въ этомъ полумракѣ подвала, который съ одной стороны освѣщается огнемъ камина, а съ другой—едва пробивающимся черезъ оконныя льдины, покрытыя слоемъ инея, дневнымъ свѣтомъ. Прежде всего, вамъ бросаются въ глаза ребятишки въ количествѣ достаточномъ, чтобы отравить жизнь бѣдняка, но только не якута, потому что онъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, выносливъ,—выносливъ, какъ и его коровы, быки, лошади; всѣ они выпосятъ самыя, казалось бы, невозможныя условія существованія. Якутъ тупо относится къ тому, что его ребятишки живутъ впроголодь, какъ потому, что это—нормальное положеніе большинства якутскихъ ребятъ, такъ и потому, что онъ самъ, его жена, его престарѣлые родители, его скотъ, его собака и кошка живутъ впроголодь изо дня въ день всю жизнь и только изрѣдка насыщаются до отвала; и можно съ увѣренностью сказать, что даже мыши его юрты живутъ голодомъ, такъ какъ поживиться у хозяина нечѣмъ. Это—страна систематическаго голоданія. Существуетъ разсказъ, что какой-то еврей приучилъ свою лошадь къ тому, чтобы она обходилась безъ пищи, и что это ему удалось блистательно, но на бѣду она околѣла. Можно подумать, что этотъ еврей набрелъ на такую счастливую мысль, живя среди якутовъ и видя, какъ они добиваются того же, но безъ достаточной выдержки. Мнѣ разсказывали такой характерный случай изъ якутской жизни. Былъ старшій якутъ, имѣвшій много рогатаго и коннаго скота, но ни онъ самъ, ни его семья никогда не ѣли мяса, а потому, разумѣется, зиму жили впроголодь. Каждую осень онъ выбиралъ обыкновенно самую тощую корову, которую нужно было бы усиленно кормить, чтобы она могла дожить до лѣта, и убивалъ ее, а мясо держалъ для тѣхъ случаевъ, когда проѣздомъ останавливался у него ночевать какой-нибудь почетный якутъ, котораго пельзя не кормить мясомъ. Однажды другой якутъ заявилъ на наследномъ собраніи, что онъ, будучи сосѣдомъ этого богача, опасается быть обвиненнымъ въ томъ, что допустилъ его или кого-либо изъ его семейства умереть голодной смертью, а потому считаетъ необходимымъ поставить общество въ извѣстность о возможности подобнаго печальнаго случая и предложить, для отвращенія его, назначить кого-либо, кто выбралъ бы у голодающаго богача нѣсколько жирныхъ скотинъ, убилъ бы ихъ и кормилъ его и его семейство мясомъ, ибо онъ самъ, по своей крайней скупости, никогда не рѣшится на это. Все общество выслушало рѣчь молча и